

Критика и Библиография

Л. РЕЗНИКОВ

ПИСЬМА О СИЛЕ ДОБРА

Север. — 1969. — № 1. — С. 113-119.

1

РАЗРЕШИТЕ обратиться к Вам, уважаемый читатель, как к человеку, любящему искусство и уже потому близкому мне. В данном случае совсем неважно — какова Ваша профессия и жизненный опыт. Искусство, литература — наше бесценное добро, общее наше достояние. Добро притягивает — должно притягивать! — всех, а речь в этих письмах пойдет о силе добра в нашем искусстве.

Добро и зло... Сколько раз в истории зло буржуазного мира выступало под маской добра, а искусство срывало эту маску, открывая под ней бесчеловечие «взаимного обмана и взаимного ограбления» (К. Маркс).

Наша Родина первая в истории приступила к созданию такого общества, где доброй, честной морали, истинной гуманности возвращается их подлинная, общечеловеческая ценность, потому что только социализм может вернуть человека «к самому себе как человеку общественному, то есть человеческому». Однако процесс этот и труден, и длителен.

«Подлинно человеческая мораль, возвышающаяся над классовыми противоречиями и над воспоминаниями о них, будет возможна лишь на такой стадии общественно-го развития, когда не только будет преодолена противоположность классов, но изгладится и след ее в практической жизни». (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 94. М. Соцэкиз, 1931).

След — это всем нам известно — еще не изгладился...

И в двери нашего нынешнего дня еще стучится прошлое. Оно особенно упорно, хитро и коварно стучится из-за пограничных кордонов. Оно снова и снова рядится в маски «демократизма» и «гуманности». Оно выпускает из одной руки — голубя, а другою уничтожает вьетнамских детей. В одной руке оно подымает оливковую ветвь, а в другой прячет водородную бомбу.

Ныне, когда зло становится изощренно лживым и опасным, когда оно угро-

жает уже всему живому на земле, необходимо противопоставить ему не только нашу оборонную военную мощь, но и нашу наступательную духовную силу — силу добра наших идей и чувств.

Иными словами, хотелось бы подчеркнуть, выделить силу нашего добра, продумать, хотя бы в некоторой мере, богатство и разнообразие его проявлений.

Но согласитесь, увидеть лучшее в искусстве и жизни может лишь тот, кто действительно желает его увидеть, кто действительно его ищет. И тогда он может сказать: «Я ищу добро, нахожу его, и рад этому».

Не подумайте, однако, что я решил взглянуть на мир через розовые очки.

Как в жизни, так и в искусстве добро может быть и просто добротой человека-художника, добротой его честного вдохновенного труда, силою созданной им жизнеутверждающей красоты. Но оно может быть также добром острой мысли, критикующей наши недостатки и ошибки — во имя торжества наших идеалов. Добро всегда правдиво, и сила его еще в том, что оно не нуждается в прикрасах.

2

ВЫ, НАВЕРНО, ТОЖЕ ЗАМЕЧАЛИ, как светлеют лица людей, когда среди них появляется интересный, талантливый человек. Ведь в таланте с захватывающей силой выражается все лучшее, что заложено во всех нас, но, по тем или иным причинам, осталось не развитым. Мы чувствуем красоту, а он, талант, создает ее. Мы искренне желаем добра, а он, талант, уже творит его. Мы только раздумываем над сложными вопросами жизни, а он уже решает их для нас. И, вместе с тем, он и терпеливее, и щедрее, и скромнее нас. Да, талант — это человек в высшей степени, это — воплощенное в человеке добро жизни. И потому настоящий талант сближает людей, ибо несет в себе огромную притягательную силу разума и доброты и доказывает, какими разумными, добрыми, прекрасными могут быть люди.

«Десять дней с Козинцевым» — так называлась заметка секретаря английской федерации кинообществ Питера Сиварда, помещенная в «Советском экране» в 1968 году. Англичанин совсем не с нордическим темпераментом написал о нашем советском кинорежиссере, посетившем страну Шекспира: «Энтузиазм, с которым приветствовали господина Козинцева везде, был не просто данью уважения великому кинематографисту, чьими фильмами мы восхищаемся... Я восхищаюсь им не только как кинорежиссером, но и человеком, умеющим покорять публику. Я не знаю ни одного английского режиссера, который смог бы поехать в Советский Союз и выступить так, разговаривая с публикой на ее родном языке... В Нью-Касле на Тайне, крупнейшем индустриальном центре, люди собрались со всего севера Англии для того, чтобы его послушать, а один преподаватель и шесть студентов проделали пятнадцатичасовую поездку на поезде, чтобы присутствовать на этой встрече, где аудитория была снова покорена...»

Должен напомнить: созданный Г. Козинцевым «Гамлет» был признан лучшей кинопостановкой в мире, а Иннокентий Смоктуновский — лучшим исполнителем роли Гамлета в кино. Разве это не славная победа истинно русских талантов: великий Шекспир нашел достойное воплощение в советском искусстве. Но тем самым был сделан добрый вклад в искусство мировое, вклад в интернациональное сближение людей.

В Англии был издан плакат с поясным портретом Г. Козинцева «Kozintsev speaks», на его лекции трудно было попасть всем желающим — аудитории оказывались переполненными. Яркой талантливостью, своей огромной эрудицией Григорий Козинцев достойно представил в Англии советское искусство. Но искусство ли только?

«Для многих из нас, — пишет П. Сивард, — Григорий Козинцев был вообще первым советским человеком, с которым мы встретились, и он произвел огромное впечатление на всех нас... Мне никогда еще не приходилось встречать людей более вежливых, внимательных, готовых к сотрудничеству...»

Таланту сопутствуют соответствующие душевные качества — доброта, человечность, скромность, ответственность. Иначе и быть не может. А такие черты человека-таланта вызывают добрый ответный отклик. Вернувшись из Англии, Г. Козинцев вспоминал: «Не было ни одного раза, когда я услышал бы враждебные слова. Знакомство с живой, пылливой молодежью из кино клубов оставило у меня самые лучшие воспоминания...»

3

ВСЕ ЛУЧШЕЕ, что свойственно нации, вбирает в себя талант. «Всю Россию, речную, горячую, он носил в себе, как та-

лант!» — справедливо сказал поэт о Владимире Ильиче Ленине.

Талант устремлен к самым важным истокам и проблемам жизни, он так неравнодушен, что не может замыкаться в какой-либо одной узкой профессии. И дело не только в обширности интересов таланта, а в том, что в каждом истинном таланте живет своеобразный Человек Возрождения, а в нашу эпоху истинный талант всегда есть и истинный гражданин.

Гражданственность, постоянная озабоченность судьбой не только своего дела, профессии, но и Родины, ее граждан нередко приводит талантливых людей к искусству, к художественному творчеству с такой же неизбежностью, с какой писатель в наше время обращается к наукам, к философии, истории, социологии, естествознанию.

Читали ли вы книгу Н. Амосова «Мысли и сердце»? Ее автор — крупный специалист отечественной хирургии, член-корреспондент АН УССР. Уже в почтенном возрасте Н. Амосов написал произведение художественное. Почему так получилось? — на это можно найти ответ в самой повести, где рассказывается о сложнейших проблемах хирургии сердца и о кибернетике как мощнице медицины, а прежде всего — о хирурге, профессоре Михаиле Ивановиче. Вот его раздумья:

«Психологам нужно продумать вопрос о стимулах человеческой деятельности вообще. Стимул — это острая палка, которую в Древней Греции понуждали животных. Так и нас.

Природа человека. Что такое человек? Этот вопрос ставился много раз. Отвечали по-разному и часто противоречиво.

Человек от природы добр.

Человек более жесток, чем лютый зверь.

Или он многолик? Что такое добро и зло?

Прогресс? Будущее?

Все это философия, и хотелось бы в ней разобраться, прежде чем умереть. Неужели нельзя сделать, чтобы эти маленькие мальчики и девочки были счастливы и дальше, так же как они счастливы сейчас, если здоровы, сыты и обласканы? И что такое счастье?

...Я вижу страдания людей от болезней. А сколько еще других, которых я не вижу? От унижения достоинства человека, от ушедшей или неразделенной любви, от невозможности понять друг друга?

Что же мне делать?»

Вот та реактивная цепь вопросов, которая начинается с раздумий о человеке, от человека идет к людям, их настоящему и будущему и, перед лицом сложных, противоречивых проблем, возвращается к человеку: «Что же мне делать?»

Нет людей «маленьких», но, к сожалению, есть мелкие, которых такой вопрос не тревожит. Но в большом сердце Николая Амосова живет этот вопрос и требует ответа. Автор — врач. И он хорошо знает, что «учитель и врач — два занятия, для кото-

рых любовь к людям обязательное качество».

Человек, постоянно наблюдающий людей, находящихся между жизнью и смертью, такой человек не может не задуматься о близких ему, о судьбах живущих на нашей единственной Земле. Хирург становится психологом. Но мысли о сердце оказываются шире, значительнее не только хирургии, но и психологии. Обуреваемый мыслями, человек ищет формы их выражения и поневоле становится писателем, не переставая быть врачом. Видимо, в этом проявляется один из законов человеческой души: в наивысшем желании добра, она становится душой творческой, а искусству — только ему! — оказывается под силу творчески объединить и философию, и психологию, и специальные знания, и самые жгучие социально-нравственные проблемы. Художник — это человек, среди всех нас в наибольшей мере озабоченный судьбами людей и страны.

Любовь к людям создает Человека, а если он талантлив — появляется художник.

Серия мучительных вопросов, терзающих сердце героя повести, в такой форме могла быть выражена только в произведении художественном, где личность автора отступила на второй план, где его исповедь стала исповедью его героя, а сам герой прошел через искреннее, доброе сердце и бескомпромиссное анализирующее око писателя.

Тема, сюжет (конкретно — работа хирургической клиники, в особенности — ее шефа, профессора) приобретает одновременно и прямое и косвенное (относительное) значение, как герой-профессор и автор-профессор связаны непосредственно и опосредованно. «Хирургические» ситуации, — операции, переживания врачей и сестер, муки жен и мужей, любящих и любимых, — все это, неся в себе массу зорких, подлинных наблюдений над жизнью, в то же время не является самоцелью. Это не скрупулезное описание дней и ночей, скажем, одной из киевских клиник и ее руководителя профессора Н. Амосова, а лишь талантливо найденный повод рассказать посредством глубоко продуманной системы повествования о буре мучительных мыслей, захватывающих человека, которому приходится держать в руках человеческое сердце.

В руках — сердце человека!

А разве каждый из нас не держит в руке этот важнейший источник жизни?!

...Каждый держит в руках что-то сердце. И — помогает ему жить, быть счастливым, или небрежно сжимает его в своем кулаке. А все мы — держим в руках сердце писателя-художника. Он желал нам добра, только добра, и если мы не внимательны, не чутки к его труду — мы надрываем его сердце, невольно надругаемся над его мыслями, потому что трудно представить большую трагедию, чем трагедию неблагодарности и равнодушия.

Повесть Н. Амосова — чрезвычайно характерное и волнующее литературное явление

нашего времени. Эта книга доказывает, что эпоха проникновения в космос, расщепления атома и величайшей научно-технической революции не отодвинула на второй план проблемы человеческой души; наоборот, она поставила их с невиданной остротой.

Наука, дерзающая смоделировать даже человеческий мозг (неслучайно умирающий в клинике гениальный Саша Поповский до последнего своего часа трудится над кибернетикой будущего), вынуждена ради этой далекой цели познать человека во всей его физиологической, социальной, общественной и психологической сложности, а это, в свою очередь, повелевает ей объединиться с искусством...

Перед лицом едва ли не равно возможных для человечества — процветания или гибели — искусство, объединенное с наукой, стало возрождать извечные, дорогие, но иными из нас ползузатые понятия добра, совести, милосердия...

«...Милосердие. Это слово совсем вышло из употребления. Наверное — зря. Не нужен «бог милосердный», но «сестра милосердия» — было совсем не плохо. Когда-то это проповедывалось, а теперь — нет. Никто не говорит о жалости к ближнему как душевной доблести человека».

Главный герой повести «Мысли и сердце» профессор Михаил Иванович — человек беспощадной откровенности и самоанализа. Этой откровенностью и бескомпромиссностью наполнена и вся книга, в которой больше тяжелых драм и трагедий, чем радостей. Такова уж суровая правда дней и ночей клиники, где борются с самыми тяжелыми, обычным путем неизлечимыми, недугами человеческого сердца.

Чем же, как не милосердием, не зримой для нас, но тем более высокой отвагой души может ответить врач на страх и мольбу матери, ребенка которой может спасти только операция на сердце — многочасовая, с остановкою живого сердца, с включением искусственного, — сложнейшая операция, после которой никто не может сказать, что сердце снова начнет биться. Во имя милосердия врач идет на этот страшный риск — остаться с надорванной, кровоточащей душой, если ребенок умрет.

И страшно сказать: нередко он умирает и после того, как сердце начало работать, после того, как идеально вшитый искусственный клапан действовал безупречно.

Наука, хирургия, еще не может исправить все тяжелые пороки сердца, и даже удачная пересадка клапанов не всегда и не долго спасает больного. Еще не до конца разгаданы барьеры несовместимости, трудны и темны загадки крови, далеко не исследованы все тайны нашей нервной системы.

Так не торопитесь же обвинять врача, даже если он, как и Михаил Иванович, сам обвиняет себя. Он делает это от горького горя, от сердца, полного любви к людям, сердца, которое не может примириться с тем, что так еще бессилен человек перед

страданиями и тяжелыми недугами. Не вы, а он, честный врач, первый познает трагедию противоречия между желаемым и возможным, между желанием продлить жизнь и неизбежностью смерти, жестоко и нелепо обрывающей жизнь.

Но не только непознанное, но и ошибки приводят к трагедиям. Достаточно было допустить одну непредвиденную, нелепую ошибку — и в кислородной камере, где так успешно проходили операции, возникает пожар, трое уже выздоравливающих смертельно обожжены.

Трагическая неизбежность безжалостно учит: путь к человеческому здоровью, прогрессу, счастью, путь от неполного к более совершенному знанию лежит через ошибки и жертвы.

...Любовь к людям сделала доктора Н. Амосова писателем. Сила этого великого добра — человеколюбия — наполнила его книгу трагединой правдой, которая всех нас учит бережному отношению к жизни, вздумчивости и такой душевной доблести, как милосердию — ко всем, кто честно работает и живет рядом с нами.

И эта же книга поставила перед нами строгий вопрос: имеет ли человек право на ошибку?

4

НЕ ОШИБАЕТСЯ тот, кто ничего не делает». — говорит пословица. Да, это так.

Но согласитесь: это все-таки не дает нам права на ошибки.

Однако будем исходить из упрямых фактов жизни. Поскольку и разум наш, и навыки, и знания, и воспитание еще не совершенны, — мы (неизбежно!) допускаем ошибки и, значит, реально мысля, мы обязаны сделать из этого ясный, последовательный вывод: не обещаниями и заклинаниями, а только анализом ошибок можно их уменьшить в будущем.

Анализ ошибок — чрезвычайной важности задача, не терпящая ни ядовитого злорадства, ни легкомысленного бодрчества. Историю прошлого изучают для будущего, — для того, чтобы лучше, вернее, боозинбочнее творить историю настоящего.

Вся наша литература, эта своеобразная художественная история, учила и учит жизни и уже потому анализирует также человеческие ошибки, моделируя тем самым лучшее общество, благородные, гуманные характеры, мысли и чувства. Но есть произведения, в которых анализ ошибок подчеркнуто выделяется. И если за таким анализом встает партийная, коммунистическая позиция писателя и его цельная позитивная концепция общества и человека — тогда получается истинно-гражданственное творение.

К такого рода острым аналитическим произведениям последнего времени, на мой взгляд, следует отнести повесть В. Тендрякова «Кончина» (журн. «Москва», 1968, № 3).

5

КАКОВ по своей природе человек? Что приводит его к ошибкам? Что следует ценить в человеке больше всего? На эти, поставленные в повести Н. Амосова, вопросы по-своему отвечает повесть В. Тендрякова «Кончина».

Н. Амосов предстает перед нами, главным образом, как философ, оперирующий широкими нравственными категориями. Тендряков отвечает на вопросы, главным образом, как социолог, анализирующий нравственные и психологические корни явлений. Но и в том, и в другом случае создаются произведения искусства. А искусство трудно переводить на язык логики, — издержки, неполнота анализа при этом неизбежны. И надобно помнить, что никакое толкование не может заменить самого произведения: только в нем, с первого и до последнего слова, выражается мысль автора.

Для того же, чтоб издержек анализа было поменьше, необходимо найти «ключевые места» произведения и постараться в толкованиях его не отступить от главного направления авторской мысли.

Ключом всего замысла «Кончины» является сцена, когда Иван Слегов читает брошюру В. И. Ленина «Государство и революция»: «Люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, без особого аппарата для принуждения, которое называется государством».

«Неужели привыкнут?..

...Привыкнут?

Он знал пожарский мир, знал в нем каждого человека. Еще недавно все перегрызлись, когда делили тулуповские земли. Петр Гнилов, отец пятерых сыновей... бросился с колом на Митьку Елькина... И такие-то привыкнут без принуждения мирно жить, честь чужью блюсти вежливые правила? Что-то не верилось.

Но потому-то и раскололась страна — одни верят, другие нет, одни глядят вперед, другие назад.

С этой сценой, переносящей нас к двадцатым годам, связано основное направление авторской мысли. Герои повести — Студенкин, Лыков, Слегов, Чистых, — люди, которые стараются «глядеть вперед». Но все это таит в себе полемику с нашими знаниями, потому что добавляет к ним нечто существенное или вовсе опровергает их.

Мы привыкли ценить человека за его способность целиком отдавать себя большому, общенародному делу, мы считаем, что такой человек — «глядит вперед». Но если этот человек духовно беден, если им, как Матвеем Студенкиным, движет только ненависть к прошлому, он, взяв в руки власть, может злоупотребить ею...

Мы знаем, мы привыкли считать, что главное в человеке — его деловые качества. А Тендряков поправляет наши представления: он говорит, что даже самые, казалось

бы, безупречные деловые качества, даже самоотверженное лыковское качество «исправно везти воз» еще не делает человека общественным, то есть человеческим, если его деловитость перерастает в делячество.

Мы привыкли считать, что устремленность к нашим общественным идеалам, ум и знание делают человека прекрасным. А писатель говорит, что если эти качества не подкреплены мудрой убежденностью и терпением, верой даже в самые темные массы народа, тогда может случиться, что такой искренний человек, как Иван Слегов, однажды переломится от доброты — к злобе, к отчаянию и опустошенности.

Основные герои «Кончины» не только устремлены к общему делу, но и по природе своей они — люди не злые.

Гроза деревни Пожары Матвей Студенкин любил детей. Видать, с ними связана была для него, недавнего солдата, мечта о грядущем торжестве полной справедливости. Он строгал ребятишкам деревянные ружья-игрушки, и дети ходили за ним толпами. Был добр, красив и лицом, и душой Иван Слегов, на всю жизнь оставшийся нежным со своей многострадальной женой Марусей. О Евлампии Лыкова даже самый строгий его судья — племянник Сергей — говорит: «Был человеком!» Был Евлампий веселым, «быстрым на ногу», работающим, незлобивым. Был!

Между тем даже они — трое — не стали дружно близки, не стали той частью семьи, о которой мечтал когда-то, читая «Государство и революцию», Иван Слегов.

И не только Евлампий Лыков и его племянник Сергей, но даже отец с сыном Чистых не стали семьей. Племянник от восхищения дядей переходит к ненависти, отец становится врагом сына — не потому, что это люди разных поколений и мировоззрений. В «Кончине» ничего нет от старой проблемы «отцов и детей». В том-то и дело, что оба Чистых и оба Лыкова мировоззренчески близки. Их цели, казалось бы, настолько сходны, что даже жестоко пострадавший от Евлампия Лыкова Чистых-старший не обвиняет его («была борьба»), по-своему он даже гордится Евлампием («он сделал колхоз передовым»), и о себе говорит уверенно (как, наверное, сказал бы о себе и Лыков-старший): «Я перед народом чист, как слеза». Оба Лыкова и Чистых-старший — люди больших страстей и нелегкой жизни.

Нет, не возраст, не идеи разделяют этих людей. Раздел — глубже. И виден он с такой ясностью лишь одному художнику.

Эти люди, не жалевшие себя ради общего дела, действовавшие — как каждый из них был убежден — ради народного блага, шли к нему очень разными, а порою и очень кривыми путями.

В тяжелом, никем ранее не изведенном историческом опыте каждый из них (отсюда исключим только Валерия Чистых) пробивал себе трудный путь иногда вслепую. (Да и весь опыт нашего Советского государства,

нашего народа — это первый исторический опыт столь невиданного масштаба!) И только, может быть, ныне стало ясно писателю, а вслед за ним — и нам, — в чем же ошибка каждого из этих людей — от забытого Студенкина и до прославленного Лыкова.

В чем же ошибка? На этот вопрос художник отвечает, выдвигая как главный критерий ценности человека — умение его своим делом сблизить людей в семью, а главным пороком — невольное или вольное разъединение им людей.

Родственные связи, — говорит писатель, — сами по себе еще не сблизяют. Но в разобщенности, а порою даже враждебности родственников есть одна причина, и выражена она образно в первой главе повести, которая подчеркнута названа: «Матвей Студенкин — родоначальник».

Да, никакой связи по «родословному древу» не имеющий ни с двумя Чистых, ни с Евлампием Лыковым, ни с Иваном Слеговым, Студенкин однако и есть их «родоначальник», он, его «общественное поведение», и есть начало тех ошибок, которые несут разъединение, варьируясь в судьбах, в поведении и Лыкова-старшего, и Ивана Слегова, и других.

Основная ошибка Студенкина в том, что он захотел новое общество (пожарскую коммуны) создать немедленно — и силой одной только власти, одного принуждения. Социально-психологические корни этого человеческого характера достаточно ясны: беднейший из крестьян, человек, в котором накопилась вековая ненависть к царизму и «мировой буржуазии», ожесточившийся в империалистической и гражданской войнах (Матвей вернулся в деревню только в конце 1925 года), он во многом родственен той немалочисленной массе солдат-революционеров из народа, которые уже знакомы нам по образу Макара Нагульнова. На «левака» Нагульнова была разумная и добрая управа в лице приехавшего в Гремячий Лог Семена Давыдова. Но таких, как Давыдов, на все деревни не достало, и в Пожарах Давыдова не было. Матвей Студенкин, возглавив власть в родной деревне и на каждом шагу встречая сопротивление крестьян (не мнимое, а действительное сопротивление), в каждом мало-мальски крепком мужике стал подзревать «контру».

Причина для ожесточения в те трудные годы было немало, борьба (не выдуманная — действительная классовая борьба) приобретала порою самые жуткие формы — в этой борьбе погибла жена Матвея, заживо сожженная в бане. Только разум зрелый, если не сказать государственный, мог бы разобрататься в сложной обстановке деревни тех лет. Но Студенкин таким разумом не обладал. Он лишь все больше ожесточался, превратил свою власть в одну только силу, принуждающую и разящую. Он быстро нагнал на мужиков страху: «Мотри у меня!» — грозил он каждому. А угрозы не объединяют, они разъединяют, сеют не доб-

рое чувство общности, а чувство отчуждения.

Созданная Студенкиным в приказном порядке коммуна в один год обнищала и развалилась. Рубака-Студенкин был человеком бесхозяйственным. Да и где, когда он мог научиться культуре хозяйничания?! Получив на опыте коммуны первый горький урок, крестьяне «спихнули» Студенкина.

Студенкина подвела неопытность, неразумие, Ивана Слегова — нетерпеливость, отчаяние. Оба споткнулись на одном и том же — на противоречивой крестьянской массе, на ее способности обернуться дикою стихией, бессмысленно уничтожающей все, что перестало быть личным и стало «общим». Студенкин ждал от крестьян немедленного подчинения, Слегов — немедленной сознательности. Оба жестоко просчитались.

Иван Слегов — новый образ в нашей литературе. Судьба Слегова — судьба редкая, исключительная, и художник сам подчеркивает это.

Единственный сын небогатых родителей, необыкновенно одаренный, Ваня Слегов — один изо всей деревни — учился в гимназии и, как пчелка мед, собрав мудрость из книг, хотел этот мед отдать своим односельчанам. Он не только образован, начитан, он добр и совершенно свободен от крестьянского своекорыстия. Создав своими силами образцовую племенную свиноферму, с легкой душой он сам отдает ее коммуне, где работает со своей молодой женой. Но с каждым днем он все острее чувствует себя «юродивым», «белой вороной». Коммунары отвергли его настоятельные советы — развивать перспективное дело — свиноферму и быстро порезали свиней. («Это же грабеж, дикий, необузданный», — думает Слегов. И точно: грабеж!) Дело его ума и рук погибло. Студенкин над ним издевается. Мужики сторонятся его, он им не понятен, они не чувствуют в нем своего. И как ни кричит его душа — «Доверьтесь!», — доверились, когда избирали председателя колхоза, — но не ему, а Лыкову. Слегов с женой бедствуют, голодают. Доведенный до отчаяния, в полубезумии Слегов крадется ночью, чтобы поджечь колхозную конюшню. Здесь застает его Евлампий Лыков и оглоблей перебивает ему позвоночник.

Образ мгновенно деформируется — и внешне, и внутренне. Был красивый, умный, талантливый и добрый человек. Стал — безобразный калека с отнявшимися ногами, «злой», надолго разуверившийся во всем, человек с «выжженным» сердцем, по неизбежности работающий счетоводом у Лыкова, с которым связан тайною своего несостоявшегося преступления.

Но субъективно он, Слегов, остается чистым, свой хлеб счетоводческий ест не зря. Он становится «повивальной бабкой» мыслей и дел Пийко Лыкова, его посохом. Вот тут-то и завязывается основная критическая коллизия «Кончины».

Пробивной, не жалеющий сил своих, председатель и хозяйственно-проницательный, расчетливый Слегов — чем не идеальное содружество? Ведь то, что советует Иван Иванович Слегов, действительно всегда выгодно. Он учит Лыкова хозяйствовать разумно. Дальние поля, пока тягла мало, забросить, сосредоточить силы на ближних, куда можно и навозу побольше вывезти, — и вот колхоз и с хорошим урожаем, и с добрыми лугами. Дело? Дело! И немало таких действительно выгодных дел предложил Слегов и реализовал Лыков. Колхоз идет в гору.

Но что получается от союза административного нажима с обездушенным умом? И тут снова вспоминается: «Матвей Студенкин — родоначальник».

Хозяйствование Лыкова — Слегова даст результаты экономические, но не может дать результатов нравственных. Более того: здесь экономический рост чем дальше — тем больше иссушает «почву», все дальше отодвигает колхозников от коллективистской нравственности и психики, все сильнее подчиняет многих одному человеку — председателю и отлучает этих многих от желания самим и вместе думать, вкладывать душу в дело общее. Да и зачем колхозу «Власть труда» правление, зачем «коллективный разум», если лучше и быстрее, чем Лыков со Слеговым, не решить дела? Действительно: зачем?

Все, или почти все, что говорит проницательный писатель о скрытом противоречии в преуспевании Лыкова и колхоза, — это для нас новое, ибо никто еще так до Тендрякова не ставил вопроса о противоречии между экономическим ростом одного хозяйства, окруженного хозяйствами бедствующими (вроде соседней Петраковской), и нравственными целями всего общества. Никто, кажется, не говорил так остро и убедительно о тех огромных издержках социально-психологических, этических, нравственных, которые сопутствуют экономике, направленной только на одну цель: на материальную выгоду для одного хозяйства.

Приглядывая к этому внимательно. Крестьяне «Лыкову верили, Лыкова слушались. Евлампий Лыков мог при случае припугнуть: «Обратно к Мотьке под крылышко захотелось, оглянитесь на петраковцев — хороши ли?» Это крепко помогало».

Мотька — Матвей Студенкин — здесь помнят не случайно. На Мотьке обожглись. Но он в колхозе обитает не только в качестве незаметного конюха, он остался родоначальником лыковского администрирования. Как и Студенкин, Лыков держит страхом. Грозит он не раскулачиванием (кулаков, и вообще «единоличников», больше нет), не высылкой (высылать больше некогда), грозит самым насущным — куском хлеба. А что из этого получается — понял в дни кончины Лыкова умный Слегов, особенно остро понял, когда увидел лыковского антагониста — Сергея: «Евлампий Лыков приказывает: делай, не то круто на-

кажу, бойся! Что ж, приходится... Странновато за себя, никак не за соседа. «Бойся»-то, выходит, вроде глухой стенки — людей разъединяет».

Заметим, однако, что это смекнул Слегов уже в пятидесятых годах, когда появились такие люди, как Сергей Лыков. Мог ли он, умник-Слегов увидеть это раньше, в самом начале, в тридцатых годах? Вряд ли. Когда страна совершила невиданный в истории революционный опыт сплошной коллективизации, когда крайне обострилась классовая борьба, и в деревне снова раздавались выстрелы, вырезался скот, сжигались посевы, — тогда действительно проблемой номер один становилось экономическое восстановление деревни. И такой же первой стала эта проблема после войны. Но писатель вовсе не для одной только истории прошлого обращается к пожарскому колхозу и его председателю. Проблема соотношения экономических и нравственных факторов крайне актуальна и ныне. Разве мы порою и сейчас не подчеркиваем всячески экономические задачи, забывая о нравственных или уделяя им внимание явно не достаточно? Мы еще далеко не разобрались во всех причинах сельской миграции и поныне с умилением глядим на иного администратора, у которого крепкая хватка, железный кулак, и дела идут, как солдаты, то есть растет прибыль. Прибыль, а не люди, не единение коллектива!

Вглядываясь еще раз в механику слегового преуспеяния, раскрытого для нас художником в 1968 году.

Весокрушающая старательность, личное (особенно, на первых порах) бескорыстие председателя Лыкова и верный хозяйственный, экономический расчет Слегова создают доходное растущее «дело», но не делают из пожарских крестьян нового общества, потому что, как в свое время Студенкин, так и Лыков все решает сам. Самому (или вместе со Слеговым) — куда быстрее (действительно, так!). И расчет самого Лыкова или Слегова экономический — как показывает опыт — верен. Но каковы внешне незримые ущербы! Помимо разъединяющего страха, о котором уже шла речь, Лыков — Слегов, незаметно для себя, разъединяют людей еще тем, что приучают их не думать (за них думают председатель и бухгалтер), и они перестают чувствовать колхоз своим общим достоянием, общим делом. Психологический парадокс: люди формально вместе, а по существу — живут врозь. Их коллективистская, социальная психология не развивается, а идет вспять.

Дело колхоза «Власть труда» развивается так, как развивал бы его крепкий, расчетливый в вопросах выгоды единоличник, ради экономической выгоды не жалеющий ни ближних, ни дальних. Именно в голодный год, а затем в тяжелые военные годы Лыков, за счет урезанного у своих же крестьян трудового, за драгоценный хлеб достает и самые дефицитные материалы и — за кусок хлеба — в избытке рабочие руки

эвакуированных женщин, заменяющих и тягло, и ненадежные эмтеэсовские машины. Именно в тяжелейшие годы Лыков идет «дорогой в рай» — «новая конюшня, коровник, свинарник, о таком в добрые времена мечтать погоди...»

Опираясь на свой «посох» — Слегова, Лыков выводил колхоз в гору, наживаясь — даже сказать больно! — на окружающей Пожары народной беде. Не так ли поступали в иные времена барышники: чем в округе было труднее — тем барышникам вольготнее. Они народ дотошный и беспринципный: «Не обманешь — не продашь», «Не подмажешь — не поедешь».

В этом-то и состоит горькая, открытая художником правда лыковского преуспеяния: его напористое хозяйничанье по существу ничем не отличается от своекорыстной хлопотливости «хозяйственного мужичка», типичного единоличника, который ради приобретения новой лошади (выгодно) готов надорвать работой собственную жену, и вообще становится способен на любую жестокость и бесчестность. Только Лыков, этот председатель-единоличник, имеет в своих руках целый колхоз и оборот с капиталом кладет не в свой карман, не на покупку личного коня (у него есть «личная» машина с мотором в пятьдесят лошадиных сил), а на новые конюшни и свинарники колхоза, которые интересуют его больше, чем жизнь и быт пожарского крестьянина Пашки Жорова.

Экономическая рациональность, расчетливость хозяйствования Лыкова-Слегова кажется неуязвимой с точки зрения одного хозяйства, взятого в масштабе пожарского колхоза. Но даже для этого одного колхоза такое хозяйствование лишено общественных, коллективистских нравственных начал. Да, Лыков от зорьки до зорьки в поле. Да, он в первую голову не о своем личном обогащении заботится (хотя в войну он на свои сбережения уже может купить и покупает танк — опять же не для себя, для фронта). Но он не только не советуется с колхозниками, он систематически их обманывает, как обманывал бы крепкий хозяйственный мужик-единоличник своих работников. Его расширяющийся строительный «размах» (в значительной мере вынужденный: чтобы излишки не забирали, приходится их быстро вкладывать в строительство) требует все новых и новых ограничений. Трудодень в колхозе хотя и не падает и даже, может быть, чуть растет, но не соответствует реальной затрате труда колхозника. Так обесценивается труд каждого, человек становится на земле не хозяином ее, а только работником-исполнителем, послушным лишь в силу боязни потерять то, что он имеет.

Так не развивается, не растет общественное сознание работников, а гаснет, исчезает, возвращается вспять — к индивидуализму. Раньше крестьянин деревни Пожары — единоличник — держался за свою собственность — за клочок собственной земли, те-

перь — за сравнительно полновесный свой трудодень. Психологически, нравственно, идейно — разница невелика.

Человек, подобно Лыкову, живущий экономическими интересами только своего села, становится опасен даже для тех, кого он облагодетельствовал хорошим трудоднем, то есть для своих же односельчан; люди перестают быть социалистами по духу, они не чувствуют своего села как неотъемлемой части большой и единой Родины, да и в небольшой деревне они не чувствуют себя связанными в единый коллектив, потому что живут они «каждый за себя» и становятся по духу, по психологии своеобразными работниками-единоличниками в колхозе-единоличнике.

И чем богаче становится колхоз «Власть труда» — тем беднее духовно оказываются его люди, потому что материальное благополучие само по себе еще не делает человека социалистом, если оно не подкреплено идейно-духовными стимулами. Пожарцы, не жалея рядом живущих петраковцев, не жалеют и друг друга. Создается не социалистическое общественное хозяйство, объединенное высокими принципами коллективизма идей, чувств и помыслов, а «лыковская держава», где все держится на единоличной власти-силе Лыкова и страхе перед ним.

Пройдут годы, и в председателе заметно и естественно разовьются самые непотребные для человека-коммуниста черты — безудержное честолюбие, барство (он имеет не только в своей деревне огромный «бесстыдно»-добротный дом, но еще отдельную квартиру в городе), он заведет себе и полубовницу, которая затем станет его сводней.

Кабинет с тамбуром и личный шофер, хранитель лыковского спокойствия — заместитель председателя, беспринципный Валерий Чистых (его обязанность — отжигивать просителей и принимать «на себя» их возмущение) — чем не державный владетель Пожар?

Ученик Слегова превзошел учителя, и когда тот, уже в старости, предложил было подумать и о избах колхозников и представил соответствующие расчеты, — Евлампий Лыков «логично» отверг их: новые расширенные масштабы строительства поглощают все ресурсы даже колхоза-миллионера.

Но чем благополучнее, чем лучше с хлебом в стране, — тем труднее Лыкову. И чем больше развивается в стране демократическое, общественное, коммунистическое сознание, — тем хуже Лыкову. В последние годы его жизни «что-то произошло в лыковской державе». Раньше сюда стремились из окрестных сел, теперь в Пожарах появляется первая брошенная изба. И ни новым клубом, ни хвастливыми посулами не удержать Лыкову молодежь. Ей захотелось простора — духовного, общественного — своего, а не лыковского ей захотелось, ее не заманишь телевизорами и даже высокой

зарплатой. В. Тендряков по-своему говорит и о сельской миграции. Он акцентирует на социально-нравственных причинах ее.

«Лыковская держава» пришла в противоречие с духом и буквой социализма, демократических основ нашего государства, и потому она обречена. Но сама собою она не кончается. Лыковская экономика, многолетнее царствование Лыкова принесли немалый идейно-нравственный ущерб: они развратили сознание многих, люди привыкли к Лыкову, и даже обиженный, руганный им Пашка Жоров привык. «Евлампий Лыков умер, Евлампий Лыков жив. Жив в бабах, которые только что величали его «кормильцем», жив в Пашке Жорове, в бухгалтере Слегове теплится... Лыков стал привычкой. От своих привычек люди легко и быстро не отказываются — только с болью, только с боем... И бой не кончен, с умершими тоже приходится спорить. Спор ради тех, кто причитал по «кормильцу», спор против тех, кто готов кормиться именем Лыкова».

Мерю коммунистических идеалов оценены в повести дела и дни Евлампия Лыкова. Мерю этого самого гуманного добра подсказывает повесть трудный путь очищения от лыковского наследства.

6

ЭТОТ ПУТЬ художник находит в самих людях — таких, как крестьяне деревни Петраковской и их бригадир Сергей Лыков, племянник Евлампия.

Сергею Лыкову, в прошлом военному летчику, награжденному многими орденами, очень удачливому офицеру — ни одного ранения за всю войну у него не было, — впервые по-настоящему пришлось задуматься над жизнью уже после войны.

Писатель проводит Лыкова-младшего через испытания учебой в сельскохозяйственной академии и практической работой в деревне. (Разумеется, эти «испытания» имеют и более широкий смысл: путь Сергея — это путь человека-коммуниста к пониманию жизни и достойного в ней самоопределения).

В сельскохозяйственной академии Сергей впервые чувствует, что загнан как бы в тупик: ни знаменитый Лысенко, ни «вся академия с ее лекторами и библиотеками не может ответить» ему «на простой вопрос: почему петраковцы живут плохо, пожарцы — хорошо на одной земле, под одним небом?»

В самой постановке этого вопроса, в мучительном желании разрешить его — уже в этом Сергей противоположен своему дяде. То, что Лыкова-старшего вполне удовлетворяет (на фоне разоренной Петроковской особенно заметно богатство Пожар), — то вызывает недоумение и тревогу Лыкова-младшего. Человек, совершенно лишенный узкоместнических соображений, свободный от лыковского честолюбия и карьеризма, он, Сергей, истинный коммунист, — и уже

потому ему равно дóроги и петраковцы, и пожарцы. И не найдя ответов на главный вопрос, он возвращается в деревню, чтобы здесь, на опыте, самому разобраться в том, чего не могут дать ни профессора, ни книги.

Дядя назначает племянника бригадиром в Петраковскую деревню, недавно присоединенную к укрупненному колхозу «Власть труда». Но Лыков-старший ставит Петраковскую на положение «автономии», то есть она должна сама, без особой помощи Пожар, выйти из разлухи. Сергей впервые испытывает жестокость своего прославленного дяди.

Выход из положения он находит в том, что можно назвать чистотой расчетов истинного коммуниста, расчетов и дел, ничего общего не имеющих с индивидуалистической расчетливостью и делячеством.

Да, его больше всего волновало, почему петраковцы голодают, он весь в думах о людях, и он начинает с них, обращается прежде всего к ним.

Для него естественно отказаться от предложенного дядей нового дома в Пожарах, поселиться в Петраковской у старой болыки Груни и вести такую же полуголодную жизнь, как и все в заброшенном селе. Это немаловажно, но не это главное.

О главным в поведении Сергея хорошо рассказывает старый Слегов своей жене Марии. Рассказывает, с какой откровенностью и без пустых посулов поведал Сергей всей бригаде о трудном, почти бесперспективном положении Петраковской: тягла нет, здоровых мужиков нет, помощи ждать неоткуда,— председатель дал зерна только на посев. Можно, конечно, пустить его на помол, и все будут с долгожданным хлебом, но не надолго. А там — снова нужда... А можно сделать иначе,— посеять хлеб, хотя это и очень трудно.

Сергей показывает бабам зерно — хорошее зерно. Он отдает ключ от амбара с зерном одной из рядовых колхозниц: все в их власти, пусть сами решают, как сделать лучше.

И пять часов терпеливо слушает Сергей, как, сбиваясь с главного, но и не минув его, болтают бабы. И отделив главное от второстепенного, бригадир делает правильный вывод из общего мнения ответивших доверием на его доверие женщин. (Эти страницы, по контрасту вызывающие в памяти сцены «бабьего бунта» и спасенных ключей от амбара с зерном в «Поднятой целине», могут означать лишь тот факт, что и время и люди за тридцать лет разительно изменились).

Петраковские крестьянки решили вручную, на волокушах, развезти навоз в поле и посеять хлеб. И все это сделали невиданно дружной работой. И урожай получили на славу.

Конечно, Сергей сам мог бы в пять минут решить, как следует поступить в этой трудной ситуации. Но он хорошо понимает, что сдвинуть Петраковскую от нищеты к процветанию можно только сообща, только

опираясь на сознательную волю всех. Царившая много лет в Петраковском колхозе бесхозяйственность давно уже привела к унынию, к безнадежности, и сменить их общим подъемом могли только сами эти люди и только в совместном труде.

Может быть, Сергей при этом специально и не думает об особой силе коллективной психологии, пробуждающейся в массе людей, когда они сообща решают важное для них дело. Но, исходя из верных общественных принципов своего доброго, разумного, коммунистического сознания, он добивается пробуждения именно такой активной социальной психологии масс, делающей их всеильными.

Умный Иван Слегов, специально побывавший в Петраковской, объясняет своей жене, что если б Сергей приказывал да устрашал — бабы тоже работали бы, но работали б за страх, а не за совесть. А по собственному разуму решив одолеть тяжелую работу, эти бабы горло перегрызут тому, кто им помешает. Слегов замечает не только принципиальную противоположность действий Евлампия и Сергея, но и противоположность нравственных результатов. Евлампий разъединяет людей. Сергей не поучениями, а доверием создает условия для объединения людей.

В самих людях заложена огромная сила добра — способность к щедрой взаимопомощи, желание трудиться вместе, самоотверженно, уважая друг друга. Нужно лишь искренне верить им, их разуму и сердцу, не злоупотребляя ни терпением, ни доверием их. И тогда будет не мифическое «чудо», а подлинное, радостное возрождение людей и хозяйства — чудо Петраковское.

Лыковско-слевговскому делячеству, расчетливости и администрированию Тендряков противопоставил экономический эффект, которого добился Сергей Лыков, эффект, органически сопутствующий воспитанию людей-коллективистов и объединению их в одну социалистическую семью.

Мы, однако, отступили бы от главного направления мысли повести, если бы закончили свой обзор на этом. В «Кончине» главным героем является все-таки не Сергей, а Евлампий Лыков. И уместно будет еще раз вернуться к нему, вчитаться в те начальные страницы повести, где в описании лыковского дома заключена обобщающая эстетическая и нравственная оценка «дел и дней» Евлампия Никитича, оценка, основанная на народном представлении о добре и красоте.

«Дом отличался от других домов не красотой, не игривостью резных наличников, а тяжелойвесной добротностью: кирпичный фундамент излишне высок и массивен, стены обшиты пригнанной щелевкой, оконные переплеты могучи, крыша словно кичится, что на нее пошло много кровельного железа, в железо упряты по пояс трубы, сверху на них красуются грубые жестяные короны, стйки-лотки несоразмерной величины и длины. Добротность дома не просто от-

кровенна, она назойлива и даже чем-то бесстыдна.

Хозяин, который строил этот дом, по-му-жицки считал — красиво то, что вечно. Ему самому вечность была не суждена. Сейчас он умирает в этом доме».

Обратите внимание на смысловые оттенки, которые приобретает в этом описании слово «добр»: это и добротность, крепость, и нечто прямо противоположное: грубость, бахвальство.

Внешняя некрасивость превращается во «внутреннюю», нравственную, и дом в целом как бы является портретом и итогом жизни хозяина. Впоследствии мы узнаём, что внутри этого дома — запустение, горе обездоленной, запуганной женщины, пьянство великовозрастных детей, атмосфера лжи и разброда, сохраняющая внешнюю упорядоченность только под воздействием страха перед веселым хозяином. Но он умирает, и вместе с ним «кончается», нравственно «взрывается» дом: перепившие сыновья совершают убийство, их мать, много лет молчавшая, почти закаменевшая от жестокостей мужа, разражается проклятиями. Ошибся Лыков: то, что он считал вечным и красивым, оказалось смертным и ужасным.

Собственно, о смерти Лыкова более подробно говорится лишь под конец, в небольшой главе «Смерть», но книга названа «Кончиной» потому, что физической смерти этого человека предшествовала духовная, идейная, нравственная, и чтобы проследить историю этой, уходящей истоками в прошлое, кончины, потребовалась большая повесть.

Книга не заканчивается главой «Смерть»; за нею идут еще две — «Недобрая ночь» и «Последний путь», потому что вместе со смертью Лыкова еще не уходит то, что его создавало, и то, что было посеяно им.

Человек, говорит повесть, может жить долго в своих честных, добрых помыслах и делах, как Сергей Лыков и тысячи ему подобных, — такие, мы говорим, не умирают. Они остаются жить в нашем общем деле и доброй памяти людской.

Но он же, человек, вроде Евлампия Лыкова, еще при жизни своей роковым образом гибнет в тяжелых ошибках, которые не считал ошибками, в заблуждениях, в отступлении от великих идейных заветов, гуманного человеческого смысла которых он так до конца и не постиг.

А выживает, остается отнюдь не то, что только внешне кажется крепким. Неслучайно в «Кончине» обезноженный Слегов переживает «быстрого на ногу» Евлампия. Радость, с которой рассказывает Иван Иванович Слегов жене о Сергее, узнавая в нем себя молодого, приобретает особый радостный смысл в этой, не избыточной лирическими сценами повести: все из прошлого, в чем остается живой проблеск коллективистской мечты, талантливости, честности — тоже остается в жизни, в настоящем, наполняясь в новых условиях новыми силами.

Но, как и добрые дела, — тяжелые ошибки, заблуждения, недомыслие тоже имеют свойство оставаться в жизни как привычка, они передаются нам по наследству, как иные тяжкие недуги родителей.

Так в «ключевых» образах, в композиции, в стиле запечатлено богатство мысли художника, отстаивающего идеи и нравственные ценности нашей жизни, нашего доброго, гуманного коммунистического дела.

Будущее — за Лыковым Сергеем, возвращающим людей к Родине с ее народной красотой и революционной чистотой. И это будущее неодолимо, потому что всем нам нужна и дорога именно такая — революционная, ленинская Родина, объединяющая нас в одну семью. Для нее мы и живем.

* * *

Мне не кажется «Кончина» во всем безупречной. Публицистическая, острая социальная направленность повести иногда так подчеркнута, что это делает иные ситуации мотивированными недостаточно, например, попытка Слегова поджечь конюшню. Некоторые образы (Чистых-старший) остаются едва намеченными, схематичными. Правда, многое здесь обусловлено самим замыслом: повествование разворачивается как серия быстро, в течение нескольких дней, пронсящих картин-воспоминаний. Но это неизбежно приводит к беглости, конспективности ряда сцен, к недостаточной выписанности деталей и психологии. Автор словно торопится сказать нам то, что он считает важным. Оно и действительно важно для всех нас. И мне не хочется подробнее говорить о недостатках «Кончины», и при них эта повесть — своевременное и заметное в нашей литературе произведение. Она будит в нас совесть, напоминает о самом главном — о нашей гражданской обязанности активно отстаивать социалистические завоевания. Она сама делает то лучшее, что делают ныне в жизни ее герои: объединяет нас.

7

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В последние годы всеобщий интерес и различного рода споры вызвала наша «деревенская литература», — она дала много глубоких, талантливых произведений во всех жанрах. Развитие этой литературы, по-видимому, обусловлено историческими потребностями времени, а также тем, что, в поисках ответов на сложные вопросы жизни, искусство снова и снова устремляется в «глубинку», к истокам народной души и народного характера.

Можно заметить, что целый ряд произведений и писателей — от «Деревенского дневника» Е. Дороша до повести В. Тендрякова «Поденка — век короткий» — прошли как бы через две стадии критических оценок: от непризнания к признанию. При этом запевалами в критических спорах зачастую бывали читатели. Письмо читателя или